

11.09.19

НЕГАТИВНАЯ ДИНАМИКА В ИРАНЕ И КНДР, НЕДОВОЛЬСТВО ТУРЦИИ И ОТСТАВКА ДЖОНА БОЛТОНА

ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ 20 АВГУСТА – 10 СЕНТЯБРЯ

Официальный Пхеньян обвинил Вашингтон в препятствовании налаживанию американо-северокорейского диалога, но заявил о готовности возобновить переговоры в случае наличия у США конструктивных предложений в части урегулирования. События разворачиваются на фоне недавнего проведения совместных военных учений США и Республики Корея, а также испытаний тактических управляемых ракет меньшей дальности КНДР.

Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган выразил недовольство тем, что одни государства имеют право на разработку ядерных боеголовок, а другие – нет. Разделение государств по принципу «ядерные» и «неядерные» является одним из ключевых положений Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Иран совершил очередной шаг по уменьшению своих обязательств по выполнению Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию иранской ядерной программы (СВПД). Президент страны Хасан Роухани объявил о снятии ограничений по осуществлению научно-исследовательских работ в области центрифуг.

Президент США Дональд Трамп отправил в отставку советника по национальной безопасности Джона Болтона, известного своей непримиримо жёсткой позицией по отношению к любым инструментам регулирования в области ядерного нераспространения и контроля над вооружениями.

«Ядерный торг» между США и КНДР продолжается

31 августа 2019 г. первый заместитель министра иностранных дел КНДР г-жа **Цой Сон Хи** выступила с официальным заявлением о том, что действия Вашингтона препятствуют налаживанию американо-северокорейского диалога по урегулированию кризиса на Корейском полуострове. Заявлению предшествовали сделанные четырьмя днями ранее, 27 августа, комментарии Государственного секретаря США **Майка Помпео** о том, что «безответственное поведение Пхеньяна не могло оставаться незамеченным».

Несмотря на то, что Помпео не делал прямую отсылку к каким-либо недавним событиям, связанным с КНДР или с попытками возобновить американо-северокорейский диалог (в своём выступлении он говорил об «американской идее» и о том, что усилия США по урегулированию, в том числе, ситуации на Корейском полуострове являются её **проявлением**), это вызвало резкую реакцию со стороны высшего руководства КНДР. Г-жа Цой Сон Хи назвала комментарии Помпео «бездумными», «отравляющими отношение корейского народа к американцам», а также **добавила**, что «ожидания Пхеньяна в части диалога с США постепенно исчезают, и северокорейское государство вынуждено пересмотреть принятые на данный момент меры».

*Неудачей завершился Второй американо-северокорейский саммит в Ханое 27-28 февраля 2019 г., который лидеры двух стран преждевременно покинули, не достигнув какого-либо соглашения. Однако, 30 июня **Дональд Трамп** стал первым действующим президентом США, пересёкшим границу КНДР, предложив Высшему руководителю КНДР **Ким Чен Ыну** через свой аккаунт в Twitter провести «спонтанную» встречу в демилитаризованной зоне Пханмунджом на межкорейской границе. По итогам этой встречи, несмотря на весь её символизм (с обеих сторон она была преподнесена как историческое событие), практических шагов к решению корейского вопроса не последовало. Более того, 5 августа Вашингтон и Сеул начали совместные военные учения, а Пхеньян в ответ на эти действия провёл серию испытаний тактических управляемых ракет меньшей дальности.*

9 сентября 2019 г. г-жа Цой Сон Хи вновь выступила с заявлением. Однако, в этот раз в нём была выражена заинтересованность Пхеньяна вновь сесть за стол переговоров с США до конца сентября при условии, что США готовы будут выступить с соответствующим интересам КНДР предложением. В случае, если США не будут готовы выйти за пределы проявивших свою неэффективность сценариев и не привнесут новые предложения, переговорам может быть положен конец.

Отношения КНДР и США в свойственной им манере проходят через периоды смягчения, за которыми следует резкое ужесточение риторики. Однако, эти витки не влекут за собой никакого значительного продвижения вперёд в части урегулирования. Стремление американской Администрации к разрешению кризиса не последовательно, а единовременно в формате «всё или ничего» не приносит ощутимых плодов. Разница в подходах проявилась в полной мере в ходе саммита во вьетнамской столице: КНДР была согласна закрыть ядерный научно-исследовательский центр в Йонбёне (представляющий собой целый комплекс из нескольких сотен объектов, что, по сути, являлось беспрецедентной уступкой) в обмен на снятие санкций. Вашингтону этого оказалось недостаточно, и переговоры зашли в тупик. Либо руководство США продолжает считать, что сможет добиться результатов выбранными им методами, либо же специально затягивает процесс (что может быть

связано с предстоящими в ноябре 2020 г. выборами). Одновременно с этим, Д. Трамп всё ещё нужна крупная внешнеполитическая победа, поскольку на остальных зарубежных направлениях, особенно в ядерной области, положение дел также оставляет желать лучшего.

На практике уже бывало, что обострение напряжённости между сторонами предшествовало проведению американо-северокорейских переговоров (например, в преддверии первого саммита в Сингапуре, состоявшегося 12 июня 2018 г.). Однако, с учётом отсутствия прогресса по урегулированию ядерного кризиса на Корейском полуострове у проводящего прагматичную политику Пхеньяна, несмотря на недавнее заявление МИД КНДР, в реальности вполне может не оказаться достаточной мотивации для того, чтобы в третий раз сесть за стол переговоров с США. Пожалуй, единственным значимым фактором, не позволяющим говорить об откате назад к до-переговорному периоду, является продолжение соблюдения КНДР самопровозглашённого моратория на ядерные испытания и испытания межконтинентальных баллистических ракет.

Президент Турции Реджеп Эрдоган выразил сожаление относительно неядерного статуса Анкары

4 сентября 2019 г., выступая на мероприятии, посвящённом столетию Сивасского конгресса (одного из ключевых событий войны за независимость Турции 1919-1920 гг.), перед представителями правящей Партии справедливости и развития президент Турции **Реджеп Тайип Эрдоган** заявил о том, что не может принять тот факт, что некоторые страны занимаются разработкой ядерных боеголовок, в то время как его страна такого права не имеет. По словам главы государства, «[...] одни страны имеют ядерные боеголовки, даже не одну или две. Но мы не можем их иметь. Этого я принять не могу. [...] На карте мира практически нет ни одного развитого государства, у которого бы их не было. Рядом с нами почти по соседству находится Израиль. Обладая ядерными боеголовками, Израиль вселяет страх в другие нации. Его никто не трогает [...]». Выступление президента вызвало озабоченность в региональных и международных СМИ. За этим последовал целый спектр различных трактовок сказанного и попыток прочесть «между строк», что же на самом деле хотел этим сказать Эрдоган, начиная от стремления таким образом консолидировать вокруг себя консервативные круги турецкого истеблишмента до косвенного намёка на то, что Турция подумывает выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и начать разработку собственной военной ядерной программы.

В соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), государства, присоединившиеся к нему в качестве неядерных (т.е. кроме государств, которые «произвели и взорвали ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г.» и определяются ДНЯО как ядерные государства – Статья 9), соглашаются на такой статус (Статья 2) в обмен на признание права на мирное использование атомной энергии (Статья 3) и на обмен «оборудованием, материалами, научной и технической информацией об использовании ядерной энергии в мирных целях» и на «право участвовать в таком обмене» (Статья 4). Турция ратифицировала Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 17 апреля 1980 г. Помимо ДНЯО, Турция ратифицировала Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) в 2000 г., является членом МАГАТЭ (с 1957 г.), имеет в силе Соглашение о гарантиях с Агентством (1985 г.) и Дополнительный протокол к нему (2002 г.).

Конечно же, с большой вероятностью можно утверждать, что о выходе Турции из ДНЯО речи не идёт. Турецкая Республика в полной мере реализует своё право на освоение гражданской атомной энергетики в соответствии с Договором, являясь третьей страной на Ближнем и Среднем Востоке (после Ирана и ОАЭ), начавшей строительство на своей территории атомной электростанции (сооружение АЭС «Аккую» началось в 2018 г. усилиями Госкорпорации «Росатом»). Одновременно с этим, Турция находится под «ядерным зонтиком» США, и Анкара участвует в совместных ядерных миссиях с Вашингтоном (так называемом *nuclear sharing*). 17 июля 2019 г. свет увидел по ошибке опубликованный документ, подготовленный для Комитета по обороне и безопасности Парламентской Ассамблеи НАТО «Новая эра ядерного сдерживания? Модернизация, контроль над вооружениями и союзнические ядерные силы». В одном из разделов документа перечисляются зарубежные военные базы, на которых размещены более 150 американских ядерных боезарядов. Одной из таких локаций была названа база «Инджирлик» на юге Турции с арсеналом около 50 зарядов типа B61 (впоследствии этот абзац был вырезан из итоговой версии доклада). По мнению России, совместные ядерные миссии являются грубым нарушением ДНЯО.

Однако, в любом случае, подобная риторика на традиционно склонном к конфликтам Ближнем и Среднем Востоке не может не представлять собой повод для беспокойства. В регионе уже разворачивается целый ряд кризисов, в том числе, в области ядерного нераспространения (ситуация вокруг иранской ядерной программы, отсутствие перспектив создания Зоны, свободной от ОМУ, на Ближнем Востоке, ядерное измерение арабо-израильского конфликта, вылившееся в неучастие Израиля в ДНЯО). Ситуация с ядерной программой Израиля, на которую ссылался Эрдоган, лишь «подогревает» региональную напряжённость не только потому, что Тель-Авив придерживается политики «непрозрачности» в отношении своего арсенала (хотя доподлинно известно, что в его распоряжении находится от 200 до 400 боеголовок), но и потому что Израиль, по сути, является региональным ядерным гегемоном, что не может не подпитывать геополитические и военные амбиции его соседей по региону. В контексте острой борьбы за региональное лидерство (и Турция входит в число претендентов на него), обострение риторики в любом из таких государств может спровоцировать эскалацию ситуации (например, Саудовская Аравия неоднократно заявляла, что может начать разработку собственной военной ядерной программы, если это сделает Иран). В этой связи сохранение устойчивости норм и многосторонних механизмов нераспространения и контроля над вооружениями в

регионе (в первую очередь, ДНЯО) играет важнейшую роль.

Иран: следующий шаг по сокращению обязательств по СВПД

5 сентября 2019 г. Тегеран сдержал своё обещание по следующему этапу сокращения своих обязательств по выполнению Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию иранской ядерной программы (СВПД). Глава государства **Хасан Рухани** заявил, что Иран снимает с себя ограничения по разработкам центрифуг для дальнейшего обогащения урана. По словам президента, эти действия необходимы для ускорения процесса обогащения. Заявление Рухани было сделано на следующий день после того, как Администрация США ввела новые санкции, направленные на каналы торговли нефтью, используемые Исламской республикой. Под ограничения, помимо физических лиц и танкеров, **попали** 16 компаний.

В комментарии МИД России, выпущенном 9 сентября, отмечается, что перезапуск центрифуг не несёт в себе угрозы ядерного распространения. Иран продолжает выполнять свои обязательства по ДНЯО, а деятельность (хотя и выходящая за рамки СВПД) осуществляется в координации с МАГАТЭ. В тот же день министр иностранных дел России **Сергей Викторович Лавров** отметил, что Москва в тесной координации с Парижем и оставшимися в Соглашении сторонами планирует продолжать взаимодействие по сохранению СВПД.

За последние месяцы это третий этап отхода Тегерана от взятых на себя в соответствии с СВПД обязательств: 1 июля 2019 г. Иран заявил, что запасы низкообогащённого урана в Иране превысили допустимые Соглашением 300 кг, а 7 июля было объявлено о том, что планируется начать обогащение урана до 5%, что противоречит указанному в СВПД порогу в 3,67%.

Администрация США во главе с президентом **Дональдом Трампом** неоднократно заявляла о том, что сможет самостоятельно договориться с Ираном об урегулировании ситуации вокруг ядерной программы. Тем не менее, поскольку Вашингтон увязывает ядерную сделку с вопросами, не имеющими прямого к ней отношения – ограничение ракетной программы, права человека и т.д., – Тегеран отказывается от проведения переговоров. Таким образом, с момента выхода США из СВПД 8 мая 2017 г. никаких практических шагов на американо-иранском направлении осуществлено не было. Однако, с конца июля начала появляться информация, что Д. Трамп якобы выражает готовность начать переговоры с Ираном «без предварительных условий». 10 сентября об этом официально заявил в ходе пресс-конференции государственный секретарь США **Майк Помпео**, назвав в качестве возможной площадки для встречи двух лидеров Генеральную Ассамблею ООН, очередное 73-е Заседание которой откроется 21 сентября. При этом, США продолжат оказывать политику максимального давления на Иран, вводя всё новые и новые санкции.

Совершенно очевидно, что даже если лидеры США и Ирана встретятся на полях Генеральной Ассамблеи, и даже если удастся договориться о проведении полноформатной двусторонней встречи, это не будет автоматически означать какой-либо осязаемый прогресс в урегулировании ситуации вокруг иранской ядерной программы. Подтверждением этому является пример КНДР: после двух саммитов на высшем уровне сторонам не удалось существенно продвинуться вперёд, и, несмотря

на предлагаемые северокорейским государством уступки, санкции США продолжают действовать. И если ранее, в ходе переговоров по СВПД, Пхеньян проявлял к ним большой интерес и пристально следил за процессом, сейчас ситуация сложилась обратная. Договороспособность США справедливо вызывает вопросы, к тому же, политически у Ирана есть поддержка оставшихся в СВПД сторон – России, Китая и Евротройки. Торговый механизм *INSTEX*, хоть и не распространяется на нефтяные сделки, подлежит улучшению и впоследствии может быть модифицирован таким образом, чтобы в большей мере соответствовать интересам Исламской республики. В равной мере значительное влияние на действия Тегерана оказывает распространённый на внутривнутриполитической арене и укоренившийся в национальном сознании тезис о том, что ядерная программа Ирана – это предмет гордости и большое государственное достижение, в то время как Запад во главе с США пытается её ограничить.

Таким образом, очевидно, что, американской Администрации в одностороннем порядке договориться с Тегераном будет ещё сложнее, чем с кем-либо. При этом необходимо также отметить, что несмотря на последние заявления и кадровые перестановки в США (10 сентября был отправлен в отставку главный антииранский хардлайнер, советник по национальной безопасности **Джон Болтон**), риск перехода конфликта между США и Ираном в военную плоскость всё ещё остаётся высок.

Что означает отставка Джона Болтона для ядерного нераспространения

10 сентября 2019 г. президент США **Дональд Трамп** отправил в отставку советника по национальной безопасности **Джона Болтона**. В качестве причины отставки называются многочисленные противоречия и несогласие Болтона с осуществляемым президентом политическим курсом. Информации о преемнике Болтона в настоящий момент не имеется.

Джон Болтон начал работу в Администрациях США ещё при президентстве Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего. Непосредственно на позицию в области безопасности он впервые был назначен в 2001 г. президентом США Дж. Бушем-младшим, заняв пост заместителя государственного секретаря США по вопросам контроля над вооружениями и международной безопасности. С 2005 по 2006 гг. – постоянный представитель США при ООН. Вернувшись на службу в Белый дом в 2018 г. после 12-летнего перерыва, стал третьим по счёту советником по национальной безопасности в Администрации Д. Трампа после Герберта Макмастера и Майкла Флинна соответственно.

Фигуру Джона Болтона в международном сообществе принято считать по меньшей мере одиозной. Ярко выраженный представитель лагеря «ястребов» в американской политической мысли, Болтон привлёк внимание общественности своей резкой риторикой в том числе в адрес перспектив урегулирования актуальных кризисов в области нераспространения – иранской ядерной программы и Корейского полуострова. Ещё в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в ходе работы в Администрации Дж. Буша-младшего, в его выступлениях и статьях можно было встретить высказывания о том, что северокорейское руководство «морит голодом собственный народ», что жизнь в КНДР напоминает «адский ночной кошмар», и что поведение Пхеньяна является «бесстыдством». Зачастую отмечается, что не без личного участия Болтона в 2002 г. произошёл крах достигнутого в 1994 г. Рамочного соглашения

между США и КНДР об урегулировании ядерной проблемы на Корейском полуострове.

Что же касается Ирана, когда в 2003 г. свет увидела информация о незадекларированной ядерной деятельности, и это было подтверждено в соответствующем отчете МАГАТЭ, Болтон, по воспоминаниям коллег, с удовольствием сказал: «Попались». Именно Джон Болтон последовательно настаивал на военном урегулировании ситуации с ядерной программой Тегерана несмотря на то, что США на тот момент и так вели две войны (в Ираке и Афганистане), и даже в Пентагоне рассматривали военный сценарий как крайне нежелательный.

За полтора года, проведённые на посту советника по национальной безопасности в Администрации Д. Трампа, Болтон не изменил себе. Ещё в 2017 г. в журнале *National Review* за авторством Болтона вышел пошаговый план того, каким образом США должны выйти из СВПД (что и было сделано через месяц после того, как он вернулся в Белый дом). Одним из наиболее громких за период его службы принято считать высказывание в отношении возможности разрешения северокорейского вопроса по «ливийской модели», что привело к тому, что весной 2019 г. Пхеньян потребовал исключить Болтона из группы американских переговорщиков по урегулированию ситуации на полуострове, назвав его «разжигателем войны» и «неполноценным человеком». В целом, в экспертных кругах ответственность за крах существующих договорённостей в области нераспространения и контроля над вооружениями, в которых ранее участвовали США, зачастую возлагается не только на самого Д. Трампа, но и на Болтона в том числе.

Зачастую отмечалось недовольство взглядами и риторикой Болтона со стороны его коллег. Последние месяцы в СМИ нередко появлялась информация о том, что две главные фигуры внешнеполитической команды Трампа – Джон Болтон и **Майк Помпео** – уже долгое время не разговаривают друг с другом и не координируют вверенную им работу, которая зачастую пересекается. Несмотря на то, что Помпео уже заявил о том, что внешнеполитический курс США останется неизменным, само отсутствие «фактора» Болтона в процессе принятия решений может придать последнему несколько иную динамику – как минимум, есть вероятность снижения риска военной конфронтации. Безусловно, нет никакой гарантии того, что теперь действующая Администрация в одночасье дипломатическим путём добьётся разрешения существующих международных ядерных кризисов (вернётся в СВПД, договорится с Пхеньяном, продлит СНВ-3) – такой сценарий видится не просто маловероятным, а нереальным. Однако, в области нераспространения и контроля над вооружениями эта отставка потенциально может повлечь за собой неожиданные развязки в формировании американской внешней политики.

Источник: **Негативная динамика в Иране и КНДР, недовольство Турции и отставка Джона Болтона**

ОБ АВТОРЕ

Ася Шаврова

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Ядерное нераспространение, контроль над вооружениями.

Область экспертизы: Обзорный процесс ДНЯО, ситуация вокруг ядерной программы Ирана, ядерный кризис на Корейском полуострове, российско-американские отношения в области нераспространения и контроля над вооружениями, вопросы запрета ядерных испытаний и зон, свободных от ядерного оружия.

Профессиональный опыт: Выпускница МГИМО МИД России. Научный сотрудник Центра энергетики и безопасности, участник Молодежной группы Подготовительной комиссии Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

